

Отзыв официального оппонента
на диссертацию игумена Дионисия (Шлёнова), представленную на соискание ученой
степени доктора богословия по специальности «Богословие», на тему:
**«В защиту соборного устройства Православной Церкви: теория первенства
Константинопольского патриарха и её критика»**

Диссертация игумена Дионисия написана на исключительно актуальную для современной церковной мысли тему. Вызревавшая в течение последнего столетия в недрах Константинопольского Патриархата так называемая теория первенства, согласно которой эта Церковь якобы имеет исключительное и особое место среди всех Поместных Церквей, а её предстоятель призван возглавлять весь православный мир, сегодня приобрела открытые и устойчивые формы. Последние годы эта совершенно чуждая церковному Преданию теория активно и даже агрессивно проповедуется и насаждается представителями Константинопольского Патриархата и их сателлитами как якобы церковное учение, более того, перейдя из чисто теоретической области в практическую. Знаковым и ключевым событием в этом отношении стало подписание Константинопольским патриархом Варфоломеем 8 января 2019 г. так называемого «Патриаршего и синодального томоса о предоставлении автокефалии Православной Церкви Украины» — документа, имеющего ничтожный характер с точки зрения церковных канонов, однако впервые открыто на общецерковном уровне заявившего о якобы существующих властных правах константинопольского патриарха в единой, святой, соборной и апостольской Церкви в её историческом и земном измерении. Этот документ явился вызовом всему православному миру, а наступивший вслед за тем кризис межпоместного общения приобрёл черты катастрофической ситуации, соизмеримой с наиболее тяжёлыми церковными нестроениями прошлого.

Очевидно, что вопрос о разрешении наступившего кризиса является главнейшей задачей современной богословской мысли; более того, именно в сторону Русской Православной Церкви обращены взоры других Поместных Церквей, за исключением нескольких, подпавших под константинопольское влияние.

Данный вопрос имеет комплексный характер: догматический, канонический и церковно-исторический. В силу своей объёмности он не может быть разрешён усилиями одного человека, а его проблематика — охвачена рамками одной диссертации. Над его разрешением работает ряд подразделений церковных институтов, таких как Общество современных экклезиологических исследований, имеющее свой центр при СПбДА, и Лаборатория церковных институций при ПСТГУ. Диссертация игумена Дионисия (Шлёнова) вносит свой важный вклад в это общее дело и представляет собой выдающееся явление в современной научно-богословской мысли.

В диссертации, которая представляет собой плод многолетней научной деятельности игумена Дионисия, обобщается, рассматривается и анализируется обширнейший материал исторического, канонического и, отчасти, богословского характера, имеющий отношение к проблеме так называемого «первенства» в Кафолической Церкви. Библиография исследования насчитывает 1408 наименований, что уже само по себе показывает колоссальный труд автора.

Диссертация имеет объём в 1672 страницы; такой значительный объём имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С точки зрения стандартов квалификационных научных работ, для докторской диссертации такой объём следует

признать чрезмерным. Уместнее было бы избрать метод более компактного и схематичного изложения исследовательской составляющей диссертации, вынося материалы вспомогательного характера в отдельное приложение. С другой стороны, этот недостаток отчасти компенсируется информационной и аналитической насыщенностью представленных материалов.

По своей структуре диссертация состоит из введения, восьми частей, заключения и библиографического списка. Дополнительно диссертацию украшают именной, предметный и географический указатели, а также список сокращений. Первые семь частей включают в себя 17 глав; восьмая часть, представляющая собой своего рода общее подведение итогов, имеет собственную внутреннюю рубрикацию. Логика этой структуры достаточно сложная и многоаспектная.

Введение весьма обширно и занимает объём около 200 страниц. Почти половину его занимает подробнейший обзор литературы по теме диссертации, имеющий, впрочем, некоторую показательную лакуну, о чём будет сказано ниже. Общие параметры, излагаемые во введении, в целом не вызывают возражений.

Первая часть диссертации «Право Соборов и право по обычаю» представляет своего рода введение в проблематику вопроса. В ней автор, рассматривая канонические источники, показывает, с одной стороны, несостоятельность апелляции к ним при защите идеи «первенства константинопольского патриарха», а с другой стороны, общий характер позиции защитников этой идеи, представляющий собой подмену базового канонического права соборных документов правом прецедентов («правом по обычаю»). На основании этого автор приходит к закономерному и убедительному выводу о том, что «идеология теории первенства развивалась поступательно и время от времени проявлялась не в силу соответствия канонам, а *благодаря обычаю*, не имевшему никогда абсолютной и убедительной силы» (с. 322).

Вторая часть диссертации посвящена осмыслению центрального для догматической мысли вопроса о Христе как едином Главе Кафолической Церкви, а также сопутствующего вопроса о Поместных Церквах как *частях* Кафолической Церкви, возглавляемой Христом. Хотя сами эти вопросы имеют строго догматический характер, в диссертации они рассматриваются преимущественно в сопутствующих ему и в общем-то не менее важных каноническом и историко-каноническом аспектах, лишь отчасти касаясь аспекта богословского. Эта же часть содержит исторический экскурс развития идеи «первенства» в Константинопольской Церкви во II тысячелетии, анализ формирования нового понятия «Церковь-мать» в рамках этого процесса, а также затрагивает (в отдельной главе) вопрос о предоставлении автокефалии с точки зрения церковной традиции и с точки зрения «теории первенства».

Третья часть диссертации посвящена теме иерархии, рассматривая соотношение таких понятий, как «иерархия чести» (принятая в межпоместном общении предстоятелей Церквей) и «иерархия власти» (возможная лишь внутри автокефальной Церкви). Казалось бы, очевидность этого тезиса для церковной мысли в условиях современного кризиса, как показывает практика жизни, требует тщательного доказательства, что и проделывает автор диссертации, рассматривая как канонические источники, так и богословскую святоотеческую аргументацию по этому вопросу.

Четвёртая часть посвящена вопросам надпоместной апелляции и подчинения диаспор, которые в рамках идеи «первенства» однозначно решаются в пользу константинопольского патриарха. В диссертации подробно исследуется история этих

вопросов и аргументация сторон, показывается несостоятельность и ущербность константинопольской позиции.

Пятая часть диссертации озаглавлена как «Обвинения против России и Русского мира», однако фактически она рассматривает комплекс вопросов историко-канонического характера, связанных с историческими событиями 1589–1593 гг. (установление патриаршества в Русской Церкви), 1686 г. (присоединение Киевской митрополии к Московскому Патриархату) и 1972 г. (т. наз. «болгарской схизмы»). В этой части автор на основании проведённого анализа канонического и исторического материала противопоставляет традиционный соборный подход в событиях XVI–XVII вв., связанных с Русской Церковью, с одной стороны, и «произвольную экклесиологию, цель которой состояла в защите первенства патриарха Константинопольского и осуждении или умалении других национальных Церквей» (с. 876) в болгарских событиях конца XIX в., с другой.

Шестая часть диссертации, в составе которой имеется три главы (13, 14 и 15), по замыслу автора рассматривает комплекс канонических вопросов, связанных с созданием раскольнической структуры ПЦУ (Православная церковь Украины), эти вопросы достаточно разнородны. Глава 13 посвящена предыстории этих событий (создания ПЦУ) — проходившей на протяжении последнего столетия дискуссии о предоставлении автокефалии и процессу подготовки созыва Всеправославного Собора. При всём уважении к замыслу автора, на наш взгляд, однако более логично было бы объединить в одну часть (например, четвертую в настоящей структуре диссертации) главы, посвящённые вопросам автокефалии (соответствующие главы помещены во вторую и шестую части диссертации), апелляции и диаспор, учитывая что именно эти вопросы, вместе с вопросом созыва Всеправославного Собора, являются ключевыми каноническими по своему характеру (по фактическому положению дел же антиканоническими) компонентами теории «первенства». Глава 14 посвящена канонической «аргументации» представителей Константинопольской Церкви в пользу правомерности создания ПЦУ и позднейшей реакции на эту аргументацию в греческой церковной среде. Глава 15 посвящена наиболее чувствительному именно для греческой среды вопросу легитимности признания раскольнических хиротоний константинопольским патриархом.

Седьмая часть посвящена ключевым персоналиям в греческой богословской мысли — как защитникам идеи «первенства», так и её противникам; соответственно, часть разделена на две главы. В этой части рассматриваются богословские, канонические и исторические аргументы различных авторов, перечень которых весьма подробен. Как и везде в диссертации, отец Дионисий в этой части показывает себя с наиболее сильной стороны в качестве канониста, как впрочем, и историка современной греческой канонической мысли. В отношении богословской составляющей имеются определённые уязвимости, о которых будет сказано ниже, в перечне замечаний.

Наконец, восьмая часть диссертации, вместе с последующим ему отдельно выделенным заключением, представляют собой общее подведение итогов. В восьмой части формулируются ключевые признаки «теории первенства»; в ответ на каждый тезис представляется краткая и ёмкая аргументация по его опровержению — исторического, канонического, отчасти богословского характера. При этом отец Дионисий убедительно показывает *преобладающий характер безаргументационного насаждения позиции «первенства» среди значительной части её сторонников*, господство идеологических шаблонов в современной западной церковной среде. Итоговый вывод печален и точен: «В настоящее время среди Православных Поместных Церквей произошла потеря единства. В

результате односторонних действий Константинопольского патриарха первенство чести, перешедшее в первенство власти, превзошло все мыслимые пределы. Уверенность сторонников теории первенства в своей правоте привела к тому, что эта теория позиционируется как обязательная для всех Поместных Церквей. На её основании обосновывается “наступательная” практика по дальнейшему расширению юрисдикции Константинопольского Патриархата... Общая идеология сторонников теории первенства продвигается при поддержке западноевропейского и американского научно-публицистического дискурса, а также современных коммуникативных средств (включая возможности искусственного интеллекта). Внешне она предстаёт как правдоподобная и миролюбивая, однако содержит значительную долю агрессии — как в адрес Русской Православной Церкви, так и в адрес России» (с. 1304). Заключение содержит основные выводы.

Характеризуя диссертацию в целом, можно отметить, что её важнейшим достоинством является комплексный и фундаментальный характер, охватывающий множество аспектов сложнейшей темы, связанных воедино. Поражает энциклопедическая масштабность владения автором материалом исторических и канонических источников, особенно грекоязычной среды. Огромное количество текстов, прежде всего греческих, исследовано автором на языке оригинала. Десятки статей по тематике диссертации были переведены и опубликованы самим автором — как с новогреческого на русский язык, так и наоборот, с русского на новогреческий. Опираясь на фундаментальные положения святоотеческой экклезиологии — единое главенство (первенство) Христа в Кафолической Церкви, значение Поместных Церквей как частей единой Церкви Христовой, их равенство по отношению друг к другу как «частей» целого, — автор убедительно показывает несоответствие теории «первенства Константинопольского патриарха» с Преданием Церкви. В диссертации подробно исследуются все основные компоненты этой теории, показывается их взаимосвязь друг с другом, аналитически представляется спектр и характер аргументации её сторонников в отношении каждого из компонентов. Представленные выводы в целом обоснованы и точны. *Диссертация несомненно исполняет поставленную во введении цель*: «установить основное содержание теории первенства Константинопольского патриарха, выявить её системообразующие элементы и дать ей справедливую оценку в свете церковной экклезиологической традиции» (с. 170).

Следует отметить общий методологический подход автора диссертации: теория «первенства» исследуется им как *цельное и самодостаточное явление* — как в своём историческом становлении, так и сегодня, в сформированном состоянии. Подобная методология напрямую связана с *научной новизной* диссертации — автору действительно удалось представить константинопольскую идею «первенства», с самых разных сторон осветив её в свете Предания Церкви, каковую попытку не предпринимал до сих пор ни один исследователь. Такой методологический подход, впрочем, при всех видимых его достоинствах, имеет и недостатки, о чём будет сказано ниже.

Теоретическую и, особенно, практическую значимость диссертации трудно переоценить, — аргументация и глубоко фундированные выводы данного исследования позволяют вести эффективный диалог, прежде всего с историческими и каноническими позициями, с представителями Поместных Церквей, колеблющихся либо отвергающих общение с ПЦУ, на которых сегодня оказывается колоссальное совокупное давление — со стороны Константинопольского Патриархата и светских сил коллективного Запада.

Вопросы и замечания к диссертации

В целом, несомненно, прекрасная диссертация игумена Дионисия имеет, однако, и определённые недостатки.

Невозможно объять необъятное. Также и настоящая диссертация прекрасна в историко-каноническом отношении, при опоре на базовые положения святоотеческой мысли в области экклезиологии как раздела догматики. В плане же *догматического анализа современной ситуации*, связанной с идеей первенства константинопольского патриарха, позиция автора диссертации имеет ряд уязвимостей.

1. В диссертации, хотя и отмечается существенное усиление идеи первенства Константинопольского патриарха в XX в., однако глубоко не рассматриваются *причины* этого явления. Однако эти причины имеют важнейшее значение как для понимания общего процесса, так и для эффективного противодействия самим деструктивным идеям. Причины же этого внезапного и резкого роста имеют первостепенно *догматический характер*. Несмотря на то, что теория «первенства» имеет достаточно глубокие корни в церковной истории XVIII–XIX вв., и даже в более ранней (как показал свящ. П. Ермилов в своих исследованиях и о чём также прямо говорит также о. Дионисий в своей диссертации), эта «предыстория» данной идеи существенно отличается от её бурного развития, начиная с 20-х–30-х гг. XX в. Отличие это состоит в том, что именно в современный период идея первенства константинопольского патриарха переходит из разряда исторически и канонически аргументируемой (каковая аргументация не имела большой силы и даже прямо вступала в противоречие с богословием в то предшествующее время) в разряд *аргументируемой богословски и даже прямо догматически*. В этом плане она приобретает совершенно новые силу и развитие, встраиваясь в систему экклезиологической мысли — *более общую и обширную экклезиологическую теорию*, именуемую сегодня в научных кругах «бинарная модель Церкви», более известную под именованием «евхаристическая экклезиология» или «экклезиология общения». В современном исполнении константинопольская идея «первенства» является лишь «пазлом», элементом (хотя и практически важнейшим) в сложной и по своему стройной системе взглядов, имеющей догматический характер. Охват этой системы в целом, также как и противодействие ей на догматически системном уровне, столь же (и даже более) необходимы, как и противодействие идее «первенства» в чистом виде. Именно в этом отношении и проявляется недостаток общей методологии автора как рассмотрения константинопольской идеи «первенства» в качестве самодостаточного явления. В диссертации можно обнаружить несколько знаковых признаков такой недооценки.

2. В диссертации не уделяется глубокого внимания ни характеру бинарной модели Церкви, ни самому процессу богословского формирования этой концепции. Начиная обзор современных сторонников идеи «первенства» с митр. Иоанна (Зизиуласа), автор диссертации совершенно справедливо замечает, что «этот церковный деятель стоит у истоков теории первенства в её современном исполнении» (с. 1040). Однако именно богословские, догматические корни позиции митр. Иоанна, представляющие собой форму привитых на почву церковного богословия идей философии экзистенциализма, остаются в своём основном (и весьма значительном) объёме за границей его внимания. Также в диссертации лишь вскользь упоминаются имена протопресвитеров Николая Афанасьева и Александра Шмемана; согласно мысли о. Дионисия, их «рассуждения о первенстве носили сами по себе достаточно спокойный и абстрактный характер» (с. 125). Этим ключевым с

точки зрения богословия авторам уделено самое незначительное внимание, без какого-либо отсыла к собственно богословской основе их позиций, из которой и происходила защита идеи «первенства». Между тем, именно в позиции о. Николая Афанасьева, сформулировавшего основные «постулаты» бинарной модели Церкви в 30-х гг. XX в., константинопольская идея «первенства» получает свой ключевой импульс современного развития.

3. Также в диссертации не уделено внимания и современным исследованиям догматического характера, посвящённым вышеназванной проблематике — *соотносящей* проблеме «первенства» с общим подходом и современным ответом на вопрос: «Что есть Церковь и какова она в своём устройении?». Это особенно примечательно, учитывая как огромный подраздел, посвящённый обзору литературы по теме диссертации, так и ещё более огромную библиографию самого исследования. Между тем, подобные исследования существуют, их немало и некоторые из них имеют фундаментальный характер. Процесс исследования двух «моделей» Церкви — бинарной и троичной — в русскоязычной научно-богословской мысли шёл на протяжении последнего десятилетия, представляя собой «параллельную ветвь» исследования современной экклезиологической проблематики, наряду с подходом, сконцентрированным исключительно на проблеме «первенства», взятой вне этого более широкого контекста.

4. Как в общем-то верно замечает автор диссертации, «совокупность тезисов теории первенства стала приводить к очень серьёзным искажениям в триадологии и экклезиологии» (С. 125). Однако, хотелось бы подчеркнуть, что не менее верно и обратное: серьёзнейшие искажения в экклезиологии (а попутно и в триадологии), возникшие в качестве ответа на поставленные временем вопросы о том, «что есть Церковь?», «какова она в своём внутреннем устройстве?» и «какова она в своём отношении к миру?», ассимилировали в себя идею первенства и придали ей совершенно новые силу и возможности. В этом плане примечательно сравнение константинопольской теории «первенства» с «приматом» римо-католической экклезиологии. Отец Дионисий утверждает: «Экклезиология, которую используют теоретики первенства, во многом идентична римо-папистической», «первенство Константинопольского патриарха типологически сходно с первенством Римских пап» (с. 37–38). Сходство это, действительно, чисто типологическое, однако в богословской глубине экклезиологические позиции римо-католиков (базирующиеся на *filioque*, как это убедительно показал Д. И. Макаров в своих исследованиях) и современной Константинопольской Церкви противоположны по своему смысловому содержанию. Присутствующая в основании обоих подходов бинарность, обоюдно вводимая как в область триадологии, так и зеркально — экклезиологии, проявляет себя по-разному (формат данного отзыва не даёт возможности подробно описать, как это происходит); в некоторых выступлениях и статьях последнего времени даже использовался термин «антифилиокве» по отношению к троичным представлениям митр. Иоанна (Зизиуласа) для обозначения противоположенности двух «папистских» подходов — римского и константинопольского.

5. Трудно согласиться со следующей характеристикой, данной в диссертации в адрес митр. Иоанна (Зизиуласа): «представитель *неопатристического синтеза* в мире греческого богословия» (с. 1040), — хотя подобная точка зрения и является достаточно распространённой, особенно в западной научной среде. Исследования источников влияния на данного автора, ключевого в деле продвижения константинопольской идеи «первенства», показывают, скорее, ошибочность такого представления. Действительно,

митр. Иоанн позиционирует себя в качестве представителя неопатристического синтеза, подчёркивая якобы существующую преемственность своих богословских взглядов со святоотеческой традицией, однако в действительности его богословская система представляет собой радикальный отход от святоотеческого и, в частности, каппадокийского богословия. Весьма относительно влияние на митр. Иоанна (Зизиуласа) и таких подлинных представителей неопатристического синтеза, как В. Н. Лосский и прот. Г. Флоровский; оно не идёт дальше некоторых самых общих аспектов персоналистской повестки XX в. Исследователями отмечается преобладающее влияние на становление митр. Иоанна как богослова таких авторов, как П. Тиллих, М. Хайдеггер, Э. Левинас, М. Бубер.

6. Выражение «соборная экклезиология» неоднократно употребляется на страницах диссертации. Это понятие, на наш взгляд, требует уточнения, а также встраивания в современный экклезиологический (в догматическом аспекте) дискурс, имеющий собственное научное поле и оперирующий достаточно устойчивым рядом понятий. Особенно важно такое уточнение с учётом сложности смысловой нагрузки в современном богословии и неоднозначности самого термина «соборность», имеющего достаточно широкий диапазон употребления — от соборности как кафоличности до соборности как синодальности и проч. В этом контексте неоднозначным с точки зрения терминологической точности, например, выглядит утверждение о том, что «с точки зрения соборной экклезиологии соборность — это не промежуточное звено, а самый высший уровень церковной власти и ответственности» (с. 74, хотя сама мысль автора здесь понятна и не вызывает возражений); всё-таки высший уровень церковной власти, хотя и не видимой внешним образом, — это монархия Христа как Главы Церкви, Который и является источником кафоличности Церкви, вместе со спребывающим со Христом Святым Духом. Впрочем, несомненно, ценна ключевая мысль о. Дионисия, стоящая за данным понятием: соборная экклезиология есть то, что «говорит о равночестности Поместных Православных Церквей» (с. 1270).

7. Последнее замечание наиболее существенно с богословской точки зрения. Категорически нельзя согласиться с неоднократно и последовательно выражаемой автором диссертации мыслью о неправомерности и недопустимости параллелей между триадологией и экклезиологией (с. 180, 784, 1050, 1053, 1269, 1302–1303 и др.). Отец Дионисий утверждает, что внутритроичный принцип «монархии Отца» не может быть отображён в церковной жизни, тогда как в действительности это не так — данный принцип отображается в монархии Христа в Церкви, несущего на Себе образ Отца, пролонгируясь далее, от Христа, на монархическое устройство Церкви, существующей на различных уровнях своего устройства (ср., напр.: Игнатий Антиохийский, свщм. Магн. 3, 5; Смирн. 8). При этом, из этой мысли вовсе не следует, что, например, «если Константинопольский патриарх (или, например, любой другой патриарх или иной епископ — *прим. оппонента*) сравнивается с Первым Лицом Святой Троицы — Богом Отцом, то значит его слова и деяния не подлежат критике» (с. 1303), как это утверждается в диссертации. Равным образом из этого положения самого по себе (т. е. возможности уподобления Константинопольского патриарха или же любого другого епископа Богу Отцу через Христа на *собственном* поместном уровне) не вытекает идея какого-либо единого и надпоместного первенства в Церкви, помимо первенства Самого Христа. Проблема бинарной модели состоит не в применении троических аналогий и образов, не в сопоставлении триадологии и экклезиологии, а в *таковом неправильном применении* и в

неверном сопоставлении (что и имеет место в экклезиологии митр. Иоанна (Зизиуласа) и всех представителей бинарной модели). О важности же самого такого сопоставления — троического и экклезиологического контекстов — говорил ещё свщмч. Иларион (Троицкий) в нач. XX в., а позднее оно стало общим и ключевым трендом экклезиологической мысли современности, независимо от его течений — согласных с Преданием или противоречащих ему. Современные исследования догматического характера способны эффективно противостоять, в частности, ложному применению принципа «монархии Отца» к области экклезиологии, применяя это же самое понятие к области экклезиологии, как и другие положения троического богословия, в традициях неопатристического синтеза. Таким образом, по нашему мнению, тезис о недопустимости применения понятия «монархия Отца» и других положений троического святоотеческого богословия в качестве экклезиологических прообразов является *логической ошибкой* автора диссертации (как, впрочем, и некоторых греческих исследователей, от которых, вероятно, он и был усвоен о. Дионисием). Конечно, данное ошибочное представление, достаточно локальное и не имеющее никакого решающего значения на страницах фундаментального труда о. Дионисия, не способно повлиять на общие выводы диссертации, но исправление этого недочёта в дальнейших исследованиях способно послужить ещё более глубокому и интегрированному подходу автора к сложнейшей экклезиологической повестке современности.

Перечисленные недостатки (а таковые неизбежны для любого серьёзного исследования), разумеется, не умаляют значения и ценности прекрасной диссертации игумена Дионисия, которая является глубоким научным трудом, обобщающим и анализирующим огромный объём канонического и исторического материала, с учётом богословской составляющей Предания Церкви. Данное диссертационное исследование решает важнейшую проблему, включённую в более сложный комплекс проблем современного состояния Церкви и её межпоместных отношений. Она представляет единую научно-богословскую базу историко-канонического характера для эффективного противодействия вызовам времени в лице нового константинопольского «богословия» и ведению конструктивного диалога с представителями иерархии и научного мира Поместных Церквей, ожидающих от Русской Церкви глубокой научной аргументации своей позиции в условиях современного противостояния.

Важный тренд современного научно-богословского противостояния этим вызовам — нацеленность на *дальнейшую интеграцию* догматического и историко-канонического подходов — был обозначен участниками V Всероссийской с международным участием экклезиологической конференции, прошедшей в Санкт-Петербурге (СПбДА) 18–20 февраля 2026 г., при активном участии игумена Дионисия (Шлёнова) (см.: Выводы конференции, п. 6 URL: <https://ecclesiologia.ru/konferentsii/v-vserossiyskaya-s-mezhdunarodnym-uchastiem-nauchno-bogoslovskaya-konferentsiya-po-ekkleziologii-i-bogosloviyu-istorii-sovremennaya-ekkleziologiya-teoriya-i-praktika-sankt-peterburg-spbda-18-20-02-202/>). В русле этого интеграционного процесса диссертация о. Дионисия несомненно станет *важнейшим компонентом* активно формирующегося в современной научно-богословской мысли консолидированного ответа церковных сил сложнейшим вызовам времени, трагически уникальным во всей церковной истории.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что диссертация игумена Дионисия (Шлёнова), представленная на соискание учёной степени доктора богословия, на тему: «В защиту соборного устройства Православной Церкви: теория первенства Константинопольского патриарха и её критика», является самостоятельной, завершённой научно-квалификационной работой, проведённой с применением адекватных для данного исследования методов, отличается научной новизной в аргументированном решении комплекса церковных и научно-богословских задач, имеющих важнейшее и даже первостепенное на современном этапе теоретическое и практическое значение для жизни Церкви. Представленная диссертация соответствует критериям, предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание учёной степени доктора богословия согласно разделу V «Положения об Объединённом докторском диссертационном совете Московской духовной академии, Санкт-Петербургской духовной академии, Минской духовной академии и Сретенской духовной академии» (от 10.01.2022 г.), а её автор — игумен Дионисий (Шлёнов) — безусловно заслуживает присуждения ему учёной степени доктора богословия.

Официальный оппонент:

доктор богословия, доцент,
доцент кафедры богословия
Санкт-Петербургской духовной академии,
священник Михаил Викторович Легеев

св. М. Легеев

09.06.2026 г.

*Подпись руки св. М. Легеева
заверено.*

зав. канцелярией СПбДА

О. Посолаф

09.06.2026

